

Иосиф Бродский: Обретение или утрата?

Смена, - 1.10. - 1995. - 26 мая - 1.10.

ВОЗВРАЩЕНИЕ литераторов третьей волны эмиграции напоминало сюжет "Войны миров" Герберта Уэллса. Один за другим, строго по расписанию и через равные промежутки зарывались в российскую почву огненные шары, из шаров выползали мозгляки, монтировали гигантские треноги, громоздились на них, шагали по стране, с легкостью отбивая жалкие наскоки бомбардировочных и истребительных патриотов, приступали наконец к тому, за чем и летели - начали пить живую кровь... И перемерли все до единого в литературном смысле, перемерли от какой-то пустячной для закаленных аборигенов хвори. Прошло два-три года - и о них, равно как и о самом Нашествии, все позабыли.

РАЗУМЕЕТСЯ, подобная аналогия справедлива не на все сто процентов, а так, на девяносто девять с копейками. И менее всего она применима к обоим нашим нобелевским лауреатам во всей их между собой несхожести. Год назад в "Дневнике литератора" речь шла о литературных аспектах возвращения Солженицына. Сегодня имеется много поводов поговорить в том же аспекте о судьбе Иосифа Бродского: здесь и завершение поэтического корпуса его собрания сочинений, выходящего в нашем городе, и проходящая здесь же международная конференция неугомонных изучателей его творчества, и главное, с новой силой всплывшие разговоры о его судьбе приезде в родные пенаты.

"Подлинным триумфом возвращаемой сегодня литературы стала публикация произведений Иосифа Бродского, - пишет современный автор. - В каталоге Гарвардской библиотеки сегодня числится 18 его однотомников, изданных в последние годы в России, и один четырехтомник. И это, конечно, неполный перечень изданий, поскольку не все провинциальные публикации поступают в американские библиотеки, и часть книг могла еще не попасть в компьютер" (Сергей Максудов: "Пятилетка скоротечия", журнал "ВЕК XX и МИР", 1994, N 9-10).

Что-то мешает разделить энтузиазм библиографа. И конечно, не только ошибка гарвардского компьютера, назвавшего выпущенным четырехтомником три тома намеченного пятитомным собрания сочинений. Нарастания присутствия поэзии Бродского в нашей литературной жизни в связи с обильными публикациями не наблюдается, скорее можно говорить о противоположной - хотя и весьма слабой - тенденции. В том числе и в чисто количественном плане. Тираж великолепного собрания сочинений падает с каждым но-

вым томом на десять тысяч экземпляров - и остается доступным. За журнальными публикациями поэта - как, впрочем, и за остальными журнальными публикациями, - никто не гоняется. Схлынул ажиотаж? Да нет, ажиотаж-то как раз не схлынул. Заметно убавился подлинно литературный интерес - и это-то и подлежит осмыслению.

Помню, как в первые годы перестройки коммерциализировался самиздат. Лихие молодчики, вдохновленные послаблениями в борьбе со спекуляцией, вышли на улицы с самодельными детективами и самопальной фантастикой, с робкой по нынешним временам эротикой - и с переплетенными вручную машинописными сборниками стихов Бродского! Поэзия, распространяемая и продаваемая таким образом, оказалась востребована, - а ведь стихи и поэмы Бродского не назовешь ни легким, ни, менее всего, конъюнктурным чтением. Первые сборники Бродского, безусловно и малопрфессионально составленные его здешними друзьями, также нашли благодарного читателя. Пухлая "Часть речи", выпущенная в Москве в ИХЛ (Издательство художественной литературы), и вовсе сразу же стала раритетом.

И тут, по всей видимости, произошло определенное насыщение. Поэзия Бродского досталась всем его поклонникам (и завистникам) - и не завоевала или почти не завоевала новых. Живой классик не то чтобы попал в прижизненную читательскую опалу, как поздний Пушкин или затравленный критикой и коллегами Маяковский, отнюдь; и отзывы, и обращения оставались в высшей мере почтительными; возникла скорее, выражаясь футбольным языком, ситуация искусственного офсайта, - поэта возвели на пьедестал, выведя тем самым из реального литературного круга, ведь заирать голову не хочется никому.

А стал ли Бродский писать хуже? Вопрос сложный, мучительный. Сам Бродский в уже довольно давнишнем эссе о поэзии Одена с несвойственной ему в целом горячностью декларирует и доказывает право поэта в поздний период творчества писать плохо. Ясно одно: Бродский в разные периоды жизни, на разных этапах, писал и пишет по-разному: и слукавит (или докажет отсутствие у себя поэтического слуха) тот, кто возьмется утверждать, что ему в равной мере дороги и раннее "Шествие", и, скажем, "Сонеты к Марии Стюарт", и поздние, 1993 года, стихи на случай ("Томасу Транстремеру" и прочее).

Есть и еще одно обстоятельство - талант, или, если угодно,

ским комментарием, сложившимся из бесед Бродского с Вайлем (последний только опустив в диалогах собственные вопросы). На мой взгляд, порочна сама попытка превратить метафизические пейзажи в географические и свести духовный опыт даже не к биографическому, а к житейскому.

И это вдвойне нелепо, потому что сам Бродский в англоязычной эссеистике зарекомендовал себя мастером проникновенной интерпретации чужого поэтического текста. Вот, скажем, замечательное стихотворение "К Евгению" из "Мексиканского диверсанта". И название (посвящение), и само стихотворение проникнуто античными элегическими-медитативными реминисценциями. В комментарии же читаем: "Предпоследнее стихотворение в цикле - "К Евгению" - это, конечно, Женек Рейну, такое письмо-то". Сильно ли помогает читателю такой комментарий (с добавлением уже от Вайля - "Евгений Рейн - поэт, друг И. Б.")? Или из комментария к маленькому шедевру "Голландия есть лоская страна": "Безусловно, у меня есть особое отношение к Голландии. Я хорошо помню, как в первый раз оказался в Амстердаме - довольно сильное впечатление". Попадают среди авторских комментариев Бродского, конечно, и другие - парадоксальные и блистательные - рассуждения, но восприятие стихов они тоже не помогают. Обозреватель все той же "Независимой газеты" Ефим Лямпорт остроумно отметил, что стихам Бродского в данном издании уготована роль рифмованного путеводителя. Право же, овчинка не стоит выделки.

Но есть и другая - куда более глубокая - причина известного отторжения поэзии Бродского в наши дни. Речь идет о иерархичности отечественного литературного сознания - и о крушении всех и всяческих литературных иерархий, несомненно имеющем место и переживаемом весьма болезненно. Герой набоковского "Дара" молодой поэт Годунов-Чердынцев, узнав о хвалебном отзыве на собственные стихи в эмигрантской газетенке, тут же принимается бормотать какие-то строки типа "Благодарю тебя, отчизна, за то, что я тобой признан". Неподалеку маячит и рифма на слово "жизнь", но Годунову кажется, что при наличии отчизны и признания от "жизни" (как рифмы, и более того) можно уже отка-

заться. Правда, хвалебный отзыв оказывается первоапрельским розыгрышем, и в окончательном варианте поэт благодарит отчизну за то, что не признал его. Дialeктика жизни, отчизны, признания и непризнания ("Рифма - это поцелуй душ", - сказал Новалис) весьма неприхотлива. Поэт Иосиф Бродский признан своими земляками, сверстниками, своим кругом в самом широком смысле - это один уровень признания. Он признан в планетарном масштабе - что respectfully, но не сколько эфемерно. Он признан собственно русской поэзией, впустившей его просодику, его метрический, тематический и стилистический репертуар в свои жилы (хотя, мне кажется, многое и отторгнувшей), - и это признание, конечно же, ценнее всего.

Но Бродский признан и новой номенклатурой - по крайней мере ее якобы просвещенной петербургской разновидностью, - признан новыми "мещанами во дворянстве", пестующими певцу из Кронштадта и мать престолонаследника (если его можно назвать престолонаследником), не слишком отличая их друг от друга, "украшающими" город работами Шемякина и услаждающими собственный слух мелодекламацией Басилавиши и пением Лайзы Минелли. И, надо полагать, они вполне могли бы встретить его по первому разряду. В собственном, разумеется, понимании. Вот почему он не едет сюда и, думается, не приедет. Притом что Отечество он - как заметил некогда о себе Гейне - ухитрился унести на подошвах.

Поэзия Бродского - для посвященных в тайную магию поэзии, а посвященных всегда немного. Бродский - судьба которого в этом отношении смыкается с солженицынской - сумел избежать искушения официозом, которому поддался Александр Исаевич, выступив на кремлевском партхозактиве и заслужив благодарную ухмылку президента. Избежит, надо полагать, и впредь.

Набоков в одном из стихотворений усиленно намекал на то, что в разгар холодной войны посетил наш город инкогнито. Он, конечно, великий мистификатор. Но, как знать, не приехать ли и Бродскому сюда инкогнито?

То-то бы шум поднялся.

Виктор ТОПОРОВ

Поэзия Бродского досталась всем его поклонникам и завистникам и не завоевала НОВЫХ

гений Бродского самореализуется на густой графоманской закуске - поэт пишет не от шедевра к шедевру, как, например, Тютчев, но сплошным потоком, девятые валы которого - подлинные шедевры Бродского - смыкаются на протяжении всего творчества, а общий поток сильно меняется (в сторону убывания энергетики), изначально явившись и оставаясь до сих пор качественно весьма разнородным. Анализ же именно этого остается табуированным даже для тех, кто владеет соответствующим инструментарием.

Передо мной последний по времени выпуск в нашей стране сборник стихов Бродского "Пересеченная местность" (издание "Независимой газеты", 1995), составленный и снабженный послесловием неутомимым Петром Вайлем. Изящно и, несомненно, с самыми лучшими намерениями изданный, он тем не менее представляет собой литературную вивисекцию. Стихи Бродского разбиты здесь по географической привязке на разделы "Америка", "Европа" и "Италия" и снабжены автор-